

ВОДА, ОГОНЬ, ВЕТЕР

Проворные и уверенные на реке, по морю ладьи поплыли опасливо. Неприспособленные к напору волн борты пугливо скрипели, весла сшибались друг с другом, не всегда попадали по воде. Выйдя из лимана, вся длинная вереница, девятнадцать больших лодок, старалась не отдаляться от берега. Но месяц был ласковый, вёресень, погода ясная и маловетренная, волнение несильное. Гребцы понемногу приноровились. Ладьи перестали рыскать острыми носами, ход их ускорился, строй выровнялся.

Осеннее солнце, которому наскучило гонять солнечные зайчики по пустым водам, азартно накинулось на новую игрушку: блики запрыгали на весельных лопастях, на медных бляхах щитов, на разложенном по скамьям оружию.

Многovesельные лодки на языке северичей назывались селезнями. Сверху, из-под легких облаков, где кружили белые морские птицы, флотилия, верно, и в самом деле была похожа на утку с выводком утят. Передняя ладья — целый корабль, только без мачт — была вдвое больше остальных. На тех помещалось человек по тридцать-сорок, на этой семьдесят, вся старшая дружина. Над кормой торчал длинный шест с насаженным на него знаком княжеской власти: черепом кабана в посеребренном, матово посверкивающим шлеме.

Сам князь — огромный, широкий, в расшитой по вороту рубахе — неподвижно стоял у носа один и глядел вперед. Воины смотрели на могучую, несокрушимую, как каменный валун, спину, и их страх перед морем постепенно отступал.

А князю было так же страшно, как остальным. Человек лесной, болотный, он никогда не видел столько воды. Невообразимый простор давил на него, стискивал грудь. Прямая и чистая, словно край стола, линия горизонта казалась обрывом, за которым нет ничего, кроме тьмы и смерти. Нельзя было позволить, чтобы люди заметили на лице вождя смятение, поэтому Воислав и не оборачивался. А еще он боялся, что от резкого движения (у него все движения были резкими, по-иному не умел) покачнется, не устоит на ногах, и это будет воспринято как недобрая примета. Рука князя — на четырех пальцах серебряные кольца, на большом золотой перстень — крепко сжимала кромку борта.

Параллельно ладье, посверкивая мокрой кожей, нырял по волнам любопытный дельфин. Воислав никогда не видел таких больших черных рыб, да еще чтоб скакали по-над водой, и сотворил знак, отгоняющий злые видения: трижды дернул себя за буйную бороду. Диковинная тварь, махнув нерыбьим хвостом, ушла на глубину.

— Эй! — крикнул Воислав басом, от которого, бывало, приседали боевые кони. — Эй, Гад! Поди!

К носу, легко и уверенно шагая прямо по скамьям, приблизился человек. Он был худ и невелик ростом, меньше всех, кто был в лодке, а рядом с гороподобным Воиславом показался вовсе заморышем. Одет недомерок был так же, как остальные: серая рубаха-голошея с ремешком да холщовые порты — под коленом они были крест-накрест перехвачены тесемкой, пришитой к кожаным ступам, всегдашней обуви северичей. Только меч на поясе не такой, как у всех, а узкий и короткий, каких в лесном краю не делали. Массивный, широкий северицкий сечень Гаду был тяжел.

Князь сверху покосился на подошедшего. Спросил, умерив голос, что у него получилось плохо:

— Далеко ль морем плыть?

— До Керкинтя? — Гад вздохнул. На этот вопрос он отвечал уже много раз. — От устья Бог-реки так. Можно прямо. — Он показал на горизонт. — Тогда близко. Ночь плыть. Утром Керкинтий. Я говорил, княже.

Воислав кинул взгляд на водную пустоту. Дернул исполинским плечом — поежился.

— Нет. Ночевать на земле будем.

— Тогда вдоль берега плыть надо. Сегодня, завтра, еще один день.

Князь недоверчиво прищурился, глядя Гаду в его немигающие спокойные глаза:

— Откуда всё знаешь?

Маленький человек промолчал, взгляда не отвел. Из всех северичей он один мог позволить себе оставить вопрос князя без ответа.

— Почему я тебе верю, волхв? — зарокотал Воислав, которому хотелось разгневаться — это состояние для него было привычнее неуверенности. — Почему слушаю?

Гребцы на передних скамьях, услышав в голосе князя закипающую ярость, сжались. Гад, однако, не оробел.

— Стрежень-город помнишь? — сказал он как всегда мягко и негромко. — Я тебя предупреждал. Не ходи на приступ. Не гони людей на стену. Надо ручей перекрыть. Без воды стреженцы сами вылезут. Ты меня не послушал. Сорок воинов зря погубил. Город не взял. Потом мы воду отвели. Через неделю они сами сдались. Без воды никто долго не может.

Оба изъяснялись короткими, очень простыми фразами, в которых не было лишних слов. У северичей, как и у других славян, многоречие было не в чести. Должно говорили только ведуны и женщины, но и те показались бы людям из южных, менее суровых краев немногословными.

От приятного воспоминания гнев князя, так и не распалившись, прошел. Воислав улыбнулся.

— Я помню, волхв. Потом все говорили. Воислав мудр. Придумал город без крови взять. Нет воды, нет и крови.

И захохотал. Он часто повторял эту остроту. Северичи шутили редко. Выпив много хмельного меда, могли для веселья подурачиться, но острого слова сказать не умели. Шутку про кровь и воду когда-то первым произнес Гад, но князь давно забыл про это.

— Нет воды, нет и крови, — сказал он еще раз и снова засмеялся.

— А помнишь Лютово городище, княже? Как я сказал прикинуться послами? Будто с миром пришли?

— Помню. — Улыбка Воислава стала шире. — Мы убили Люта и всех его родичей. Как цыплят.

— И про грозу помнишь? Я сказал тебе: «Отойди от дуба». И в него попала молния. Вот почему ты мне веришь, княже. Я умею говорить с богами. Они слушают мои речи. И ты меня слушай. Кто ты был три года назад? Что у тебя было? Твой Градец, десять деревенок вдоль Бог-реки да лесные люди. А что лесные люди? Сегодня они есть, завтра в лес ушли. И нет их. Так было раньше. Без меня. Теперь разве так?

Князь засмеялся. Он уже не думал про море и про его пугающий край, за которым тьма.

— Теперь у меня много всего. Мне покорились все роды северичей. И голотичи. И прегордые любичи. Я вожу в поход тысячу воинов! И у каждого железный шлем, хороший меч, крепкий щит. У меня двадцать ладей. Девятнадцать, — поправился Воислав, и тень пробежала по его низкому лбу. Пробежа-

ла — и исчезла. — Я иду брать греческий город! За море иду! Я возьму много добычи. Никогда никто не брал столько добычи!

Он воодушевлялся всё больше. Хвастливые речи придавали ему силы.

— Я слушал тебя, Гад. И буду слушать. Ты всё знаешь. Ты умеешь говорить с богами. Ты хитрый. Ты умный, как змея. Кажется, тебя можно раздавить голой рукой. Но ты вывернешься. И укусишь ядовитым зубом. — Теперь князь смотрел на низкорослого собеседника с восхищением. — Потому тебя так прозвали: Гад.

Для северичей в этом имени не было ничего обидного. Один из лесных родов даже поклонялся змеебогу Гадуну, приносил ему в жертву откормленных мышей и лягух.

— Не зли змею — она не укусит, — сказал волхв. — Ласкай змею — получишь от нее дары. У тебя теперь много всего, княже. Возьмешь Керкиний — будет еще больше. Нет никого богаче греков. У них ткани разные. Посуда. Серебро. Прозрачный кувшин помнишь? Он из стекла. У греков таких много. Вернешься с добычей — все тебе поклонятся. Древовичи, ладиничи, даже поляне. Все встанут под твою руку.

Вождь кивнул. Вот теперь он обернулся лицом к воинам, зная, что его гордый и спокойный вид придаст им бодрости.

— Я бы поплыл на греков прямым путем. Я не боюсь провести ночь в море. Но они... — Он показал на дружину. — Они не захотят. Они не привыкли к такой большой воде.

Гад не стал спорить:

— Ничего, княже. Доплывем и берегом. Может быть, нам повезет. Мы встретим купеческий корабль. Там бывает много добра. Очень много. Хватит нагрнуть все лады. Тогда незачем ходить на Керкинтий.

— Нет. Я хочу взять греческий город. Хочу попробовать греческих женщин. Хочу поставить на самом высоком месте моего кабана. — Князь показал на клыкастый череп. — Пусть греки узнают про Воислава!

Прикрыв ладонью глаза от солнца, он посмотрел назад, на растянувшуюся по морю флотилию, и выругался:

— Что отстали? Осерчай на них Перун!

Брани крепче этой у северичей не было.

Головной корабль далеко оторвался от остальных ладей.

— Осушай, осушай! — крикнул Воислав.

Борта оцетинились застывшими веслами: пятнадцать с одной стороны, пятнадцать с другой.

Князь пробирался к корме — медленно и трудно перешагивая через скамьи, опираясь на плечи гребцов. Отодвинул кормщика, встал у руля сам. Принялся командовать — небыстро:

— Йэ-эх!.. Йэ-эх!.. Йэ-эх!

Весла задвигались медленней, чем раньше. Разрыв стал сокращаться.

Через час или полтора Воислав снова подозвал волхва. Тот всё это время оставался на носу. Смотрел на солнце через какую-то дощечку с прорезью.

Подошел — но не стремглав, не сразу.

«Эк ловок», — подумал князь, завидуя легкости, с которой Гад перемещался по раскачивающейся ладье.

— Я думал, — гордо сказал вождь. — Я считал. Как ты учил. Сейчас у меня тысяча воинов без двадцати, так? Покорю древовичей — возьму с них еще четыреста. Или пятьсот. С ладиничей возьму триста. С полян можно взять семьсот, даже больше. Зимой по льду доберусь до смоличей. У них лучники хороши. Возьму двести. Это сколько всего будет?

— Вместе с твоими почти три тысячи.

Маленькие голубые глаза князя — густая борода подбиралась к ним чуть не вплотную — загорелись восторгом.

— Никогда ни у кого столько не было! Какой у греков самый большой город? Только чтоб на этой стороне моря.

— Корсунь. Он дальше Керкинтя. Ненамного. Большой город, очень богатый. В десять раз больше Керкинтя.

— Я знаю про Корсунь. — Воислав торжественно воздел ручищу. — На следующее лето он мой будет!

— Помолчи-ка, княже. — Гад, сузив глаза, всматривался в линию берега. Ноздри хищно затрепетали.

— Ты чего? — забеспокоился Воислав.

— Тссс. Мне Россох шепчет...

Так звали бога реки и всякой воды, чтимого северичами.

— Жиром пахнет... Добычей пахнет... — Гад показал на недалний мыс. — Там! Поворачивай! И остальным вели! Быстрее!

Воислав открыл рот — спросить, в чем дело, но вещей человек бесцеремонно отодвинул тугодумного князя (оказывается, была в тонких жилистых руках Гада немаленькая сила) и сам навалился на кормило.

Селезень повернулся, вспенив носом зеленую волну.

— Йэ-эх! Йэ-эх! Йэ-эх! — пронзительно закричал Гад, убыстряя ритм гребли.

Князь смотрел на приближающийся мыс и ничего там не видел. Нюхал воздух — никаким жиром не пахло. Однако не перечил. Смотрел, ждал.

Остальные лодки повернули за сверкающей на солнце кабаньей головой. Им что — куда князь, туда и они.

За оконечностью мыса, у подножия которого кипел белый прибой, открылся вид на бухту. Ее горло, сдавленное двумя скалистыми языками, было широкой в двадцать полетов стрелы. Посередине бухты, на глубоководье, стоял огромный черный корабль.

Он был не похож на ладьи речных славян. Длинный, высокобортый, с мощными веслами в два яруса, с тремя мачтами. Главная — высотой с пятидесятилетнюю сосну.

— Смотри, князь! Купец! — крикнул Гад. — Не обманул Россох! Не зря мы дали ему щедрую жертву!

— Зачем он здесь? Здесь ничего нет, — сказал Воислав, глаза на невиданное судно.

— Хочет починиться. Или взять питьевой воды. Какая разница? Твоя удача крепка, князь. Только бы не ушел!

Встрепенувшись, вождь приказал:

— Правь на него! А вы гребите, гребите!

Волхв поступил иначе — двинул руль в другую сторону, и ладья, вместо того чтоб войти в бухту, повернулась носом к противоположному мысу.

— Ты что делаешь?! — ахнул Воислав. — Корабль там, а ты — туда.

Было видно, как на верхней палубе огромного судна муравьями снуют люди. Кто-то карабкался по снастям. Из воды вынырнул, заблестел мокрый якорь.

— Пойдем прямо на него — ускользнет. — Гад за чем-то послюнил палец, поднял его над головой. — Надо вытянуться цепью. Замкнуть выход из бухты. Тогда никуда не денется.

Вдруг над срединной мачтой корабля раскрылось квадратное серое полотнище; еще два поменьше, косоугольные — спереди и сзади. Будто сизый голубь раздул грудь и расправил крылья.

— Что это, Гад?

— Паруса. На них под ветром ходят.

Этого князь не понял, однако мысль о том, что нужно закрыть выход из бухты, ухватил.

— Зык, ко мне! — крикнул он.

Зыком назывался дружинник с особенно зычным голосом. Такой имелся в каждой ладье.

— Ори: «Плыви за мной! Передай дальше!»

Две эти фразы, выкрикнутые лужеными глотками, разнеслись над золотисто-изумрудными водами восемнадцатикратным эхом.

Славянские селезни, бешено работая веслами, мчались ко второму мысу. Пришел в движение и ко-

рабль. Полотнища захлопали, надулись; разом приподнялись и опустились весла: верхние очень длинные, нижние покороче.

Через минуту-другую корабль, несмотря на размер и тяжесть, развил скорость вдвое, если не втрое, большую, чем у северичей.

— Уйдет! Не поспеем! — взвыл Воислав.

Но грек вдруг качнул парусами и сменил курс, словно передумал бежать, а решил сойтись с преследователями.

— Будет биться? — изумился князь. — Один? Или сдаться хочет? Нам пленных не надо. Для добычи места бы хватило. Велю всех переколоть.

На корабле словно подслушали жестокий посул. Снова двинулись косые паруса, взбурлила под острым носом вода. Грек опять сделал крутой поворот.

— Почему рыскает? — спросил Воислав.

— Ветер сбоку, — коротко ответил волхв. — Купцу не уйти. Стрибог к нам милостив.

Оставив одну руку на кормиле, он поплевал на ладонь другой и дал ветру сдуть слюну. Стрибог, повелитель воздуха, принимает такое подношение как обещание будущей награды.

— Сделай то же, князь.

Воиславу было не в разум, почему хорошо, что ветер сбоку, и за что нужно сулить мзду Стрибогу. Сейчас надо было звать на подмогу Перуна — покровителя воинов. Обидится Перун — не видать удачи в битве.

Не послушал князь волхва. Вырвал из бороды целый клочок волос и кинул через плечо.